

A man with a long beard and hair, wearing a red and gold patterned shawl over a blue tunic, stands in a forest. He is looking down at a woman. The woman has long blonde hair braided with a headband and is wearing a white blouse with puffed sleeves and a red vest with gold embroidery. They are standing close together in a misty forest with birch trees.

Дарья Сафронова

Месть ВИЛЫ

Дарья Сафронова

Месть вилы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73285383

SelfPub; 2026

Аннотация

Умила не просто знахарка-ведунья, но еще и царская дочь. Ее батюшка – Светозар твердой рукой правит в Ведовском царстве.

Однажды, собирая в лесу травы, Умила натывается на раненого воина. Девушка выхаживает Илью и влюбляется в него без памяти. Но молодой ратник не спешит отвечать ей взаимностью, ведь его сердцем давно завладела милая Олёнушка, ради которой он отправился в опасный путь, чтобы достать для нее чудодейственное снадобье.

Что принесет Умиле неожиданная любовь? Счастье или слезы?

Почему молодую знахарку преследует одна из тринадцати лебединых дев? Отчего так не влюбила ее вила по имени София? Какие тайны хранит от дочери родная матушка?

На все эти вопросы Умиле придется искать ответ.

Дарья Сафронова

Месть вилы

Пролог.

Непролазное бурлящее, будто котел с кипящим зельем, болото.

Болотник не сводит жадных глаз с бредущей наугад девушки, потирая руки в предвкушении – скоро он получит добровольную жертву! Как давно этого не было! Больше двадцати лет назад местные жители обещали ему невесту, но потом откуда не возьмись появился заезжий ведун и разрушил все планы. Он как сейчас помнил эти голубые, цвета ясного неба глаза! Как безжалостны они были в гневе и угрозе погубить его родное болото. Тогда он вынужден был отступить. Но сегодня он возьмет свое сполна...

Девушка подняла на болотника взгляд. В небесно-голубых глазах читалось отчаяние, но не было ни капли страха. Манера величаво держаться, несмотря на заплаканные глаза и оборванную, всю заляпанную грязью одежду, говорила о высоком происхождении нежданной гостьи. Светлые косы растрепались. Непослушные локоны развевались на ветру. Сухие губы потрескались. Но, несмотря на все это, девушка продолжала оставаться красивой. Очень красивой. Что же привело молодую ведунью в болото? Что заставило ее настолько отчаяться? Разве не любили, не жалели ее родители?

Разве не хранили они свою кровиночку?

Девушка зажмурилась и ступила в топь. Болотник, все еще не веря до конца в свою удачу, подался вперед, с нетерпением ожидая, когда трясина сделает лихое дело и утащит несчастную на дно. Вдруг в небе раздалось протяжное карканье. Огромный черный ворон, широко раскинув крылья и растопырив острые когти, стрелой пикировал вниз...

ЧАСТЬ 1. В поисках Ведовского

Глава 1.

Тесная крестьянская изба с закопченными стенами – топили по черному. Узкое окошко, практически не пропускающее света. Запах трав и лечебных отваров в воздухе смешан с унынием и безысходностью.

На печи лежала исхудавшая молоденькая девушка. Ее тоненькие руки казались совершенно прозрачными, да и сама она была будто невесомая. Из груди вырывалось рваное дыхание, щеки пылали – жар. Клокочущий разрывающий кашель сотрясал грудь.

Олёнка, девица шестнадцати годочков. Старшая сестра в многолюдном семействе. По весне, еще в ледакол, умудрилась девка неразумная свалиться в прорубь, когда пошла прополоскать бельишко в реке. Потопнуть – не потопла. На счастье гостил у одной бабки молодой внучек, молодец заезжий. Ратник из стольного града, сказывали самому царю служивший. Случилось парню оказаться поблизости. Он Олён-

ку из-под воды и вытащил, да только девка перепугаться успела ни на шутку да застудиться. С тех пор и слегла. Сначала просто чуть прикашливать стала. На то даже и внимания не обратила. Знай себе, работала за двоих. В крестьянских-то семьях так – времени на печи разлеживать нет! С Ильей, спасителем своим, стали на вечерках встречаться. Парень он видный, статный, в самой белокаменной служит! Да и Олénка пареньку приглянулась. Подумывал уже сватов засылать, чтобы тетка Анюша, мать ее, зазря не ворчала, что, мол, вскружит девке голову, а потом поминай, как звали.

Да только приключилась с Олёнкой беда. Одолела девицу хворь, что никак излечить не получалось. Не помогали ни отвары мудреные, ни заговоры, местной знахаркой творимые – утекала жизнь из Олénки на глазах... Илья, глядя на любушкины мучения, сам с лица спал.

Не ел толком, да и сон не шел. Все мыслями к Олёнушке любимой стремился, вспоминал ее нарядную да румяную, что на посиделках веселее всех была...

Вот и сейчас сжимал в руке тоненькие прохладные пальчики и вглядывался в казавшиеся огромными на исхудалом лице глаза, а в мыслях крутилось одно – как помочь Олёнушке? Где найти лекарство чудодейственное, что любую бы хворь исцелить смогло.

На ум, как назло, приходили одни глупости, еще в детстве от старой прабабки слышанные. Якобы жили на Руси раньше такие знахари и кудесники, что за плату, а кто и по

доброте душевной, любую хворь побороть могли, любую беду от селения отводили. Да только люди за их доброту черной злобой отплатили: то там, то тут вспыхивали погромы, потерявший от гнева человечность люд громил тех, к кому еще вчера приходил слезно просить о помощи. Вот и решили тогда уцелевшие ведуны построить свое собственное ведовское царство-государство, куда не будет доступа неведующим. Так с тех пор настоящие истинные ведуны, обладающие даром, исчезли из селений. На их место пришли знахари да лекари, разбирающиеся в травах, но не более того.

По мере того, как Олёнке становилось хуже, отчаяние накрывало с головой родных и близких. Когда все чаще стали слышны разговоры шепотом о неминуемой смерти девушки, Илья решил попробовать попытать счастья и отыскать таинственное царство, где живут и правят ведуны. Только где искать вход в волшебное царство-государство?

Подумал Илья, подумал да и порешил – где же еще искать, кроме как в лесу? Лес-то он издавна свои вековые тайны хранит. Его деды-прадеды почитали да опасались, и сейчас люд к лесу уважительно относится. А как иначе? Коли в лес без уважения войдешь али со злым умыслом каким – вернуться и не надейся! Закружит тебя леший, все тропы-пути перепутает да будет по одному и тому же месту кругами водить, покуда не упадешь без сил и о пощаде не взмолишься. Но только, какое дело лесному хозяину до мольбы человеческой. Глух он к людским страданиям, как и вся нечисть. Вот

потому-то и пугают, запугивают с детских лет мамки да бабки деток несмышленных, чтобы не смели в одиночку к лесу приближаться. Да только Илья не дите малое, а ратник царский из стольного града приехавший – ему эти страхи нипочем! Что он с лешим что ли не совладеет!

Лес встретил молодого ратника неприветливо. Воронье карканье над головой словно бы предупреждало о нависшей над молодецкой головой опасностью, но Илья упорно шел вперед, отмахиваясь от невеселых мыслей, лезших в голову.

Время от времени молодой человек проверял ножны, закрепленные на поясе, опасения потерять кинжал, пожалованный самим воеводой, были далеко не беспочвенные. Ветви, что постоянно хлестали молодого человека то по икрам, то по бедрам, а то и выше, запросто могли поддеть пояс и сорвать его.

Над лесом тем временем сгущалась тьма. Вместе с сумерками, накрывавшими землю, в душу закрадывалась тревога. Появилось настойчивое ощущение, что кто-то незримый внимательно следит за каждым шагом Ильи. Ратник невольно поежился, остановившись, он внимательно огляделся по сторонам, но не заметил ничего подозрительного и двинулся дальше.

Вскоре стало настолько темно, что продолжать путь не имело никакого смысла. Илья решил устроить привал. Он

выбрал подходящее место, немного расчистил его от валежника, соорудил из еловых ветвей некое подобие лежанки, подумывая о разведении костра, чтобы не озябнуть. Никому ведь не секрет, что даже летние ночи в лесу бывают прохладны.

Вдруг за спиной треснула ветка, словно бы кто-то, крадущийся по следу Ильи, неосторожно наступил на нее. Парень мгновенно обернулся на звук, но ничего не увидел кроме колышущейся ветки. Погода стояла безветренная, потому и думать не стоило, что ветер играет ветвями. Да и чутье воина Илью еще ни разу не подводило: коли показалось, что следят за ним, значит так оно и есть. Ратник на всякий случай положил руку на рукоять кинжала и, отодвинув ветви, решительно шагнул вперед.

Открывшаяся перед ним картина заставила молодого человека на мгновение потерять дар речи – прямо на земле на четвереньках расположился маленький сильно исхудалый мальчонка. Его одежда клочьями свисала прямо до земли, волосы обросли и скатались в колтун. Крупные зеленые глаза, словно два драгоценных изумруда, сверкали на чумазом лице.

Справившись с удивлением, Илья строго спросил:
– Ты кто такой будешь?

На вид мальчонка, как мальчонка, но Илья прекрасно понимал, что под видом дитяти несмышленного ночью в лесу какую угодно нечисть можно встретить.

Ребенок что-то невнятно промычал в ответ.

– Чего сказываешь? – переспросил Илья.

Мальчик повторил, но словно в его речи невозможно было что-либо разобрать. Илья вынужден был податься вперед, подумав про себя, что тем самым подставляет под удар шею. Вдруг встреченный окажется нечистком да и вопьется острыми зубами ровнехонько в пульсирующую жилку? Жутко... По коже поползли мурашки. Молодой человек сильнее стиснул в руке кинжал, готовый в любой момент нанести нечисти удар серебряным лезвием.

Илья ждал нападения, но вместо этого мальчонка тоненько пропищал ему на ухо:

– Проклятый я – меня лесной дедушка к себе от мамки забрал!

От этих слов, незамысловатых и таких простых, стало еще страшнее. Что значит проклятый? Конечно, Илья с детства слышал от товарищей истории о проклятых детях, которых нечисть к себе забирает, что неосторожное слово родительское открывает нечистым путь к неокрепшим детским душам, но, по правде говоря, он уже давно не верил во все эти байки. А тут такое?

– А чего же ты один по лесу скитаешься? – растерявшись, спросил Илья.

– Так потому и скитаюсь, что от лесного дедушки убёг, – шепотом пояснил мальчишка.

Приглядевшись, Илья дал бы постреленку весен шесть, не

больше.

Малец облокотился спиной о поваленное дерево и громко шмыгнул носом. Разорванная рубаша съехала с плеча, обнажая исхудалое тело и острые выпирающие ключицы.

– А ешь-то ты что? – спросил Илья, только сейчас понимая, насколько исхудал ребенок.

Мальчишка передернул плечами, так и оставив вопрос Ильи без ответа.

– А имя-то ты свое помнишь? – поинтересовался Илья, испытывая острую жалость к несчастному ребенку.

– Пока помню, – утвердительно закивал мальчик. – Меня Васяткой кличут.

– Это хорошо, Васятка, что помнишь.

Илья едва сдержался, чтобы не погладить найденыша по голове.

– Меня мамка все еще ищет, – с гордостью добавил он. – Второй год все в лес ходит – кличет. Кого искать перестают – те вмиг имя забывают!

Илья ясно представил, как деревенская женщина, упорно не может смириться с потерей сына, все пытается вызволить его из лап лесного хозяина, отважно отправляясь в лес, несмотря на явное неодобрение родни и деревенские толки. Как ходит она от одного кусточка к другому в поисках дорогого сыночка Васятки, и как сам Васятка слышит обращенные к нему материнские речи и всем своим детским сердечком стремится к матери... но лес не отпускает его.

Чем же в итоге закончится эта невеселая история? Устанет ли безутешная мать искать сына, поверив в то, что родная кровиночка потерян для нее навсегда? Или сойдет с ума от горя и тоски, перестанет ходить в лес и кликать сыночка? И как быстро в этом случае Васятка забудет имя, данное при рождении, и начнет беззаботно резвиться с остальными лесачатами, такими же проклятыми девчонками и мальчишками, как и он.

От всего этого стало грустно. Илья молча развязал походный мешок и протянул Васятке краюху хлеба, припасенную в дорогу.

– Держи! Поди-ка давненько домашнего хлеба не едывал.

– Ой, благодарствую, – Васятка принял дрожащими руками угощение. – Хороший ты человек, дяденька.

Мальчик прижал хлеб к груди.

– Если мамку мою встретишь – скажи, чтобы шла к царю ведовскому. Он и только он сможет мне и остальным помочь! Я ей все передаю и передаю, а она все не идет к нему и не идет...

– К какому царю? – встрепенулся Илья.

Но мальчик проигнорировал его вопрос, сжимая в руках хлеб, он сделал шаг назад и скрылся в зарослях. Сколько бы Илья не метался вокруг в поисках Васятки – так никого и не нашел. Словно бы привиделась ему эта лесная встреча!

Илья блуждал по лесу уже третий день, все дальше и дальше углубляясь в чащу, которой не видно было конца и края. Встреча с Васяткой скоро стала стираться из памяти, и молодой ратник уже не мог с уверенностью сказать не привиделся ли ему маленький лешачонок.

Вдруг эхо донесло до Ильи женский голос:

– Васятка! Васятка!

Ошибки быть не могло – мать по-прежнему продолжала искать утерянного сыночка.

Вспомнив просьбу мальчика, Илья двинулся на голос.

Вскоре перед молодым ратником предстала женщина лет тридцати в головном уборе на манер молодухи. Бедная, но чисто выстиранная одежда. Деревянный нательный крест соседствовал на шее с языческим оберегом в виде волчьего клыка на веревочке. Загорелое веснушчатое лицо с немного грубоватыми чертами нельзя было назвать красивым, но в то же время оно обладало некой притягательностью, не иначе из-за изумрудно-зеленых глаз, сверкающих колдовским светом. При одном даже мимолетном взгляде на незнакомку Илья отметил разительное сходство ее с сыном. И дело было не только в глазах – Васяткино лицо было словно под копирку срисовано с материнского.

Неожиданное и стремительное появление Ильи немного напугало женщину. Она вскрикнула и попятилась, наступив босой ногой на ветку, которая моментально треснула, но женщина не обратила на то никого внимания. Ее взгляд был

прикован к внезапно появившемуся ратнику.

– Сыночка кликаешь? – спросил Илья.

– Его, – не стала отпираться женщина.

– У лесного хозяина он, – не стал ходить вокруг да около Илья. Раз обещал он Васятке при встрече матери его слова передать – надо выполнять. – Видал я его – по лесу мыкается горемычный, но имени своего не позабыл.

Женщина прикрыла рот рукавом, сиюсь не разрыдаться. Но ее глаза уже наполнились слезами. Материнское горе оно таково – никакое время не в силах заставить забыть родную кровиночку, сыночка Васятку.

– Сказывал чего? – голос Васяткиной матери дрожал, но женщина из последних сил сдерживалась.

– Сказывал. Говорил: царя ведовского искать надобно – только он на лешака управу найти сможет.

Женщина без сил опустилась на подстилку из еловых иголок, что щедро покрывали землю в лесу.

– Раз велено к царю ведовскому, значит, к нему и пойду да в ноги упаду, – смиренно произнесла она. – Не первый ты мне сию весть приносишь. Сперва думала, что подшутить кто над дурной бабой решил – не поверила. А теперь верю – не может царский ратник над несчастной матерью потешаться. Верно, знать, сказываешь.

– А куда ты пойдешь? Неужто ведаешь, где этого царя ведовского сыскать? – осторожно поинтересовался Илья.

– Да, уж, поспрашала люд знающий – представление о том

царстве-государстве имеется!

– И дорогу знаешь?

– Чай, не немая! А язык-то он куда хошь доведет! Сказывали мне, где вход в то государство находится!

Илья почувствовал, как учащенно забилось сердце. Вот оно!

– А меня с собой возьмешь? – не выдержал он.

– А тебе зачем? – недоверчиво изогнула бровь женщина.

– Невеста у меня хворает. Лекари все только руками разводят – помрет, говорят, ежели настоящего ведуна-знахаря не сыщешь! Вот я отправился счастья пытаться, покуда Олёнушка моя не пропала.

Женщина задумалась, по всему было видно, что решает она брать ратника с собой или нет. Парень то ей, конечно, приглянулся: лицо доброе открытое да и силой, видать, не обделен – такой в пути пригодится. Да только и про отношение царское ко всякого рода ведунам и колдунам давно известное. А коли заслан молодец специально, чтобы ведунов вольных да свободолюбивых царской воле подчинить да суду придать.

– Я коли откажешь, к ведунам все одно отправлюсь, – подал голос Илья, – только вдвоем оно ведь сподручнее!

– Хорошо! – наконец решила женщина. – Звать-то тебя как, попутничек?

– Ильей, – немного смутившись ответил молодой человек.

– А я Анисья, – представилась женщина. – Ты давай из

лесу выбирайся – нечего в этой чаще бродить – ничего не набродишь! Ход к ведунам в другом месте спрятан!

– Где?

– На Кудыкиной горе, – не то огрызнулась, не то поделилась догадкой женщина. – Я сейчас за телегой – путь не близкий будет, а ты меня на опушке ждать будешь, чтобы деревенские не заметили.

Илья согласно кивнул, дивясь тому, как ловко получается у Анисьи командовать.

Вот уже Илья и Анисья были в пути трое суток, три раза ночь сменяла день и наоборот. Женщина поделилась с попутчиком, как лишилась старшего сыночка. Васятке тогда четыре годочка только исполнилось, ребенком он был шустрым и шепутным. До всего ему дело было. Во двор через калитку не войдет, а через забор полезет, да последние штаны, зацепившись за что-нибудь, порвет. Семья Анисьи жила небогато. Удел им земельный староста деревенский выделил самый бедный – низина. Урожай бывали скудными, едва хватало концы с концами сводить. Коровенку завести было не по средствам, зато козочка исправно давала молоко. Только она и выручала семейство. Как же с малым дитём да без молочка своего?

Как только исполнилось Васятке четыре года, народилась у Анисьи дочка. Девочка дюже крикливая и требовательная.

С двоими ребяташками Анисье приходилось несладко, то к одному метнешь, потому как кричит, что есть мочи, да и за вторым глаз да глаз нужен.

День тогда пасмурный был, дождливый, Анисья его, как сейчас помнит. Малашка надрывалась в колыбели, не то зубки резались, не то животик беспокоил. Только извелась с ней Анисья, всю ночь не спавши. Васятка рядом крутился под ногами. Мальцом он вертким был, прытким. И как уж такое могло приключиться, но задел он случайно крынку с молоком.

Посудина была глиняная, в тот же миг разлетелась на куски, ударившись о пол. И молоко белоснежной лужицей растеклось по половицам.

Что тогда нашло на Анисью? Никак сам бес ее попутал!

Отшлепала она маленького неслушника, а тот знай слезами заливается, вопит, что есть мочи. От этого крика в момент только что уснувшая Малашка проснулась и тоже за дело принялась. Тут уж у Анисьи руки-то и опустились. Вырвались во злах слова:

– У всех дети, как дети, а у меня одно наказание! Да, чтобы тебя леший побрал! Маленький пакостник!

Только Анисья слова эти сказала, как дверь сама собой растворилась. В дом ворвался влажный лесной воздух с капельками дождя. А Васятка, как стоял к двери спиной, так и начал пятиться. Да все быстрее и быстрее ножками перебирает. Вот уже за порог ступил. Анисья по началу решила,

что балуется негодник.

– Стой, – закричала, – окаянный! Куда же ты?

А Васятка в ответ:

– Я, маменька, остановиться не могу, ножки меня сами к лесу несут!

А сам напуганный такой, мать его таким и не видывала ни разу. Поняла тут Анисья, что дело плохо. Дошло до нее, что она со зла натворила – собственное дитя прямо в лапы нечистому отдала, да только поделать уже ничего не могла. Крепко слово материнское!

Бросилась Анисья вслед за Васяткой, все ухватить его старалась, остановить, домой вернуть. Да только никак ей того не удавалось. Добежала она за сыночком до самой лесной кромки. Васятка в лес легонько проскользнул, будто сами деревья перед ним расступились, а Анисья только сунулась, глядь, а вокруг стена из кустов колючих. И никак бедной женщине через нее не пробраться.

Горевала она по сынишке долго. Целую неделю с лавки не вставала, от еды отказывалась, словно уморить себя хотела. Малашка и плакать перестала, только таращила на мать глазки-бусинки, будто понимала чего.

Как-то раз, задремавши, увидела Анисья сон: поляна лесная, а на ней ребятишки резвятся. Мальчонки и девчушки. Да все веселые такие радостные! И среди них Васятка ее. Со всеми вместе бегают, играют, да только веселье то напускное, а глазенки грустные-прегрустные. Материнское серд-

це-то не обманешь! Позвала Анисья тихонечко во сне сыночка, а тот в ее сторону повернулся и говорит:

– Я, маменька, имя свое не забываю. Помню, куда ты меня кликать будешь, я в лешачонка не обращусь. Проснулась Анисья, и словно бы кто-то силы в нее вселил. Жив, значит, ее Васятка! Только в лесном плену томится. А коли жив кровиночка, то ничто матери не сможет помешать ребятенка домой возвратить. За сына родного она с самим лешим сразиться готова.

Собралась женщина на скорую руку и бросилась к лесу. Сына искать. Кричала, кричала, звала – никто ей не откликнулся. Лишь иногда боковым зрением казалось, что мелькнула между кустами вихрастая Васяткина головушка, но стоило только Анисье повернуться и начать внимательно всматриваться, оказывалось, что то либо ветка с сухими листьями, либо коряга какая.

На исходе третьего дня, скрипя и подпрыгивая на кочках да ухабах, телега выехала к лесу. Лес этот оказался не похож на привычный людскому глазу. Был он поистине исполинским. Гигантские ели устремлялись ввысь к самому небу.

Илья даже подивился на этакое диво.

– Сколько лет с воями хаживал – думал, что все пути дороженьки на земле русской мне ведомы. А нет! Везде бывал, а такого лесу не видывал!

– Да, разве же сюда вои царские забредут! – звонко расмеялась Анисья. – Ведуны умело глаза людские отводят, не просто сюда попасть...

– А как же мы доехали? – удивился Илья. – Ведь по простой дороге же!

– Мне знающие люди подсказали. – Вот верно же говорят: бес там не сообразит, где баба доедет! – не сдержал восторга парень, с уважением смотря на Анисью.

Анисья скромно отвела глаза – сделала вид, что безразлично ей мнение молодого пригожего путника, только изредка да бросала тайком взгляд на статного ратника, что с ней вместе в путь напросился, любовалась им исподтишка. Хоть и знала, что едет тот за знахарем, чтобы невестину хворь излечить, что не свободно сердце Ильи, любимой Олёнушкой занято, да только ничего не могла с собой поделывать. Ругала себя за то, на чем свет стоит. Вот ведь беспутная! Мало того, что сыночка по глупости да вздору погубила. Так еще и на молодого парня заглядываться начала, несмотря на кокуй (1) на голове! Оттого и хмурилась постоянно, злясь и на себя и на Илью, что так напоминал ей того, другого ратника, встреченного, казалось, в прошлой жизни. А Илья, словно чурбан бесчувственный все не понимал, что за пожар в душе у попутчицы разгорается.

Но и от Ильи переменчивое настроение Анисьи укрыться не смогло, да только объяснял его себе молодой парень по-своему. Хмурится – потому как дитё в беду попало, а раду-

ется без причины – так это, должно быть, о скорой встрече с Васяткой размечталась. Вообще ратник отчего-то сразу проникся к Анисье симпатией. Казалось, что именно такой разбитной и упрямой, умеющей бороться за свое, женой станет и его Олёнка. Привезет он девушке лекарство колдовское – вмиг она поправится! Свадебку сыграют! Детишки пойдут!

– Анисья, – окликнул Илья, не в силах сдержать любопытства, – а муж-то твой отчего за Васяткой с тобой не поехал.

Женщина вздрогнула от неожиданного вопроса, зажмурилась, представляя, как негодует сейчас дома Митрий, поняв, что женка его беспокойная да беспутная вновь начудить умудрилась.

– Дык, на хозяйстве оставила, – сорвавшимся голосом ответила она.

Илья внимательно посмотрел на нее, расспросы продолжать не стал, почувствовал все-таки, что не в свое дело полез. Но в глазах его читалось едва скрытое презрение к незнакомому Митрию, что жену одну на такое дело погубительное отпустить посмел.

Анисья о том же подумала и горько усмехнулась, решив, что Митрий такому бы исходу только рад был. Коли бы жена вслед за ненавистным Васяткой сгинула...

Глава 2.

Судьба с самого детства не была к Анисье милосердной – все старалась ударить побольнее. Проверяла – сдюжит ли?

Когда было девочке без малого десять годочков, случился в селении пожар. Молния ударила аккурат в соседний дом. Строение занялось быстро. Порывистый сильный ветер только раздувал пламя и гнал его на соседний дом, как раз тот, где проживала семья Анисьи. Ветер и молнии бушевали. Удары грома сливались в единый звук с треском пламени, уничтожающего один дом за другим, а спасительный ливень все никак не хотел обрушиться на землю, чтобы помочь людям бороться с огнем.

В тот раз, почитай, половина деревни выгорела. Много семей с детьми и скотиной, какую вывести успели остались без крова. А самое страшное – были погибшие. Осиротела и Анисья, вмиг превратившись из родительской любимицы в никому не нужную оборванку. На счастье или на беду, но приютили девчущку дальние родственники. Люди они были зажиточные, в меру скуповатые, но моментами жалостливые. Стоило только сельскому старосте заговорить с ними о сиротинушке, они вмиг согласились принять Анисью к себе и вырастить со своими детьми. Благо у самих три дочери ее возраста имелось. Старший сын-то уже взрослый был, женатый в соседнем селе с семьей жил, лавку там имел.

Так переселилась Анисья в зажиточный добротный дом, обнесенный высоким забором со всех сторон. Дом этот стоял немного на отшибе, не в улице, и нисколько не пострадал от пожара. Уже в первый день пребывания у родственников стало ясно, что видят они в девочке одну лишь работницу

– свободные руки в крестьянском деле никогда лишними не бывают! А тут такое хозяйство: и коровы, и овцы, и свиньи, куры, лошади, земельный надел опять же да и огород, что возле дома.

Дни Анисьи потекли за работой. Нет! Она не могла пожаловаться, что ее кто-то обижал бы делом или словом. Хозяйка, дядькина жена, не скупилась на похвалу для Анисьи, даже дочерям старательную девочку в пример приводила, за стол вместе со всеми сажала, но только все одно: чужое дитя родным не станет. Сестры: Татьяна, Варвара и Настасья к Анисье относились приветливо, грубого слова ни разу не сказали, но и с собой никогда не звали. На гулянья пойдут – Анисья дома остается, хозяйке помогать. На жениха гадать задумают и снова с собой не позовут. А Анисье тоже страсть, как хочется, а одной ночью к бане идти боязно! Сидят, шушукаются, парней местных обсуждают – стоит только Анисье войти, как вмиг замолкают, ждут, когда удалится.

Летели дни, сменялись года. Вот уже минуло Анисье пятнадцать весен. Самая невеста! Татьяна с Варварой к тому времени уже замуж выскочить успели. Осталась при родителях только младшенькая Настасья, да и той отец старательно подбирал жениха. Анисья с Настасьей ровесницами были, да только кому нужна сиротка без роду, без племени. У Анисьи и приданого-то никакого не было. Это у Настасьи укладки ломились от наготовленного.

Анисья, понимая свое плачевное положение, смирилась и

уж не чаяла когда своим домом зажить. Тем временем Настасья без сестер заскучала и уже не брезговала Анисьиным обществом. Незаметно девушки сблизились. На вечерки, правда, Анисья ходить не смела, но с радостью слушала рассказы сестрицы, представляя себе, как весело молодежи бывало.

Так и текла бы дальше жизнь Анисьи тихо да спокойно, если бы не свалилась на ее голову очередная беда.

По весне из города приехали гости: Влас, старший сын, с женой и детьми и прихватил заодно младшего жениного брата. Никита, как раз в родные края наведаться решил после царской службы в стольном граде. Положение в войске имел, жалование не плохое. Вот и появилось желание обзавестись семьей. Влас сразу смекнул и решил младшую сестрицу за него сосватать.

Встречали гостей с размахом. Хозяин даже бычка заколол по такому поводу. Анисья весь день от печи не отходила, упарилась вся и измоталась. Ни тетка, ни Настасья ей не помогали – все воя столичного развлекали. Постоянно из передней доносился звонкий Настасьин смех. Анисья же в куте (2) просидела, на Никиту только мельком и взглянуть-то успела. Видный, спору нет. Высокий, широкоплечий – сразу видно воин.

Занавеска заколыхалась и на женскую половину порывисто ворвалась Настасья.

– Ой, Анисья, – девушка весело закружилась, взметнув полами красивого праздничного сарафана. – Я такая счаст-

ливая! Никита такой хороший!

– Угу, – Анисья продолжала хлопотать, делая вид, что ей вовсе не интересно происходящее в передней, словно не она минутой назад напрягала слух, прислушиваясь к разговору.

Зависть к уверенной и красивой Настасье червоточиной точила изнутри, и сколько бы Анисья не пыталась побороть это чувство, оно раз за разом возвращалось.

– Давай быстрее пирог, Анисьюшка, – взмолилась Настасья. – Подавать пора. Матушка сказала, чтобы я сама выносила.

Анисья машинально кивнула и сунула Настасье в руки румяный пышный пирог. Красавица мгновенно скрылась за занавеской, лишь коса взметнулась вслед. Анисья устало опустилась на лавку, вытирая тыльной стороной ладони пот – летом у печи стоять то еще удовольствие!

А ведь не случись того пожара и не осиротей Анисья, это к ним в дом мог приехать погостить красавец Никита! И не Настасья бы тогда, а она, Анисья, в красивом праздничном сарафане подавала бы гостям угощение. И так больно и горько сделалось Анисье из-за этого открытия, что слезы сами собой полились из глаз.

До самых сумерек Анисья хлопотала по хозяйству. Все никак не могла управиться. Вот уже тетка со снохой уложили детей спать, а сами сели за прялки. Мужчины расположились в саду на свежем воздухе, им тоже порядком надоела духота избы. Их размеренная речь доносилась в открытое окно. За

Настасьей зашли подруги, и она, взяв с Никиты обещание присоединиться, отправилась на вечерки.

Наконец, закончив с хлопотами, Анисья прихватила полотенце, комплект сменной одежды и специальные травы для умывания – перемешенные и истолченные мыльную траву да корень чистотела и отправилась на речку. Невольно вспомнилось, как приговаривала в детстве матушка, намывая ее: «Будет у моей Анисьи лицо чисто и бело!».

– Тетушка, я до реки – ополоснуться! – предупредила она хозяйку.

Та лишь кивнула в ответ, увлеченная рукоделием, и Анисья выскользнула на улицу, отправившись огородами в сторону мелодично журчащей реки.

Река с интересным названием Вековая словно бы связывала прошлые и настоящие поколения. Именно на ее берег когда-то пришли переселенцы, основав селение Столбы. Случилось это в давние темные времена, когда люди еще поклонялись идолищам, не имея в сердце истинной веры.

Анисья спустилась с крутого бережка, огляделась по сторонам больше для порядка – и так знала, что никто не сунется на ее место, тем более поздним вечером. Девушка скинула пропитанную за день потом одежду и, оставшись в одной тонкой исподней рубаше, шагнула в реку. Вода, нагревшаяся за жаркий летний день, приятно ласкала тело. Анисья умыла лицо заранее приготовленными травами, испытывая от этого нехитрого действия невероятное наслаждение. Только ти-

хий плеск реки да треск кузнечиков на берегу нарушали тишину позднего вечера. И отчего только люди боятся подходить к воде по вечерам, лишая сами себя такого блаженства. Неужели они все еще верят в русалок? Вот наивные! Анисья засмеялась и тихонечко затянула незамысловатый только что находу придуманный напев:

Ой, к вечеру, ой к вечеру,

Ходила я да на реку.

Ходила я плескалася

Да с милым миловалася...

Вдруг со стороны берега послышался шорох, Анисья затихла, настороженно вглядываясь в сгущающиеся сумерки. Но девушке ничего не удалось заметить, кроме чуть колышущихся ивовых ветвей. Какое-то время Анисья еще приглядывалась, но тишину ничего не нарушало, и она успокоилась, решив, что возможно чья-то сбежавшая коза шарится за огородами.

Девушка продолжила купание, но настроение уже было бесповоротно испорчено, и пение больше не шло. Когда Анисья уже собиралась выходить на берег, в воде раздался сильный плеск, будто бы кто сиганул в воду с самого обрыва. Девушка вздрогнула, кожа не то от вечерней прохлады, не то от страха покрылась мурашками. Анисья уже была у берега, когда чьи-то сильные руки схватили ее и потянули обратно в воду. В этот миг она уже была готова поверить в какую угодно нечисть: от русалки до водяного и утопленников. Девуш-

ка закричала, но чья-то теплая ладонь накрыла губы.

– Тише ты, – раздался над ухом мужской голос, – все село перебудит.

«Не водяной! У того руки холодные и перепонки.», – с облечением пронеслась в голове глупая мысль. Эх, знала бы Анисья, чем закончится вся эта история – предпочла бы встретиться с водяным, да хоть с самым лукавым, хотя, как знать, может это он и был в обличье Никиты искушавший ее.

– Пусти! – потребовала Анисья, как только почувствовала, что ей позволено говорить.

– Ты чего, красавица, – вполне искренне удивился Никита, но Анисью отпустил, – никак испугал я тебя что ли? Обычно девки меня не шарахаются – сами встреч ищут!

– Я не искала! – зло бросила девушка, размышляя, как теперь выбраться на берег под взглядом уверенных наглых глаз. – Отвернись! Мне одеться надо!

– А надо ли? – хохотнул в ответ парень.

– Ежели не вернусь, меня тетушка искать пойдет! Она знает, куда я пошла! – пригрозила Анисья, прекрасно понимая, что никто ее искать не поспешит.

Но ее слова возымели на Никиту действие, и он послушно отвернулся. Анисья поспешно, путаясь в одеянии, натянула одежду поверх мокрой рубахи, отжала напитавшиеся влагой длинные пшеничные волосы и бросилась бежать в сторону жилья.

– Завтра приходи! – донеслось вслед. – В это же время!

Ждать буду!

– Ага! Жди, коли делать нечего! – беззлобно огрызнулась в ответ Анисья.

А сердце в груди тем временем сладко замирало – Никита зовет ее встретиться завтра, к ней он пришел, проигнорировав приглашение Настасьи на вечерки.

Анисья бегом понеслась к дому, стараясь подальше отбросить крутившиеся в голове греховные мысли. Как она может ликовать и радоваться тому, что жених, предназначенный Настасье, смотрел на нее таким взглядом, от которого сердце в груди заходилось? Неужто может она отплатить приютившей ее, сиротинушку, семье черной неблагодарностью?

Долгого отсутствия Анисьи тетка естественно не заметила, даже если бы с петухами вернулась – никто бы не хватился. Девушка незаметно проскользнула за свою занавеску и без сил опустилась на лавку. Но сколько бы не пыталась уснуть Анисья – сон не шел. Воспоминания о сильных руках, тянущих в воду, и бархатистом, словно оплетающем паутиной, голосе не давали сомкнуть глаз, а сердце вновь и вновь то замирало от сладкой истомы, то бешено ускоряло ритм. Девушка ворочалась с боку на бок, пытаясь устроиться поудобнее, то накрывалась стареньким в заплатках одеялом – единственным сохранившимся напоминанием о родительском доме, то наоборот сбрасывала его. Забыться беспокойным сном удалось только под утро, да и то во сне она снова оказалась на реке, снова слышала голос Никиты...

Этим утром впервые за свою сознательную жизнь Анисья проспала, разбудила ее Настасья, бесцеремонно тряся ее за плечи.

– Я сказала нет... Я не приду, – в полудреме прошептала Анисья.

– Кому это ты отказываешь? – залилась беззаботным смехом Настасья. – Ой, сестрица, смотри у меня! – шутливо погрозила она пальцем. – Вперед меня замуж даже не помышляй!

– Какой замуж, – недовольно пробормотала Анисья, переплетая растрепавшуюся со сна косу, – у меня и приданого-то нет...

– Приданое, – весело отмахнулась Настасья, – нашла о чем горевать! Коли просватают – матушка уж тебе чего-ничего да выделит. А коли сильно полюбишься – никакого приданое не нужно будет! Вот Митька к примеру, Третьяка сын, опять про тебя на вечерках спрашивал. А как на тебя смотрит, – девица картинно закатила глаза. Я давеча, когда в церкву ходили, заметила!

Анисья представила нескладного долговязого Митьку, постоянно с самого детства маячившего перед глазами. Последнее время встречи стали особенно частыми: и в поле, когда урожай убирали, и у колодца, словно бы случайно, и в церкви... Митрий – парень хороший, работающий, только не повезло ему родиться в семье первого на селе забулдыги и пьяницы. Все хозяйство и добро семейное Третьяк умуд-

рился со своей безмерной любовью к спиртному под откос пустить. Вот и пытался теперь взрослый сын все тянуть на себе: и двоих братьев младших, что к сапожных дел мастеру в город на обучение отправили, и мать-старушку, что состарилась до срока от нелегкой жизни да бесконечных побоев, и хозяйство, что давно уже в упадок пришло, и отца, продолжавшего пьянствовать по-черному. Но разве мог Митька сравниться с Никитой?

Анисья не успела додумать крамольную мысль, как уединение девиц быдо вероломно нарушено.

– Так, сороки! – к девушкам заглянула хозяйка. – Чего сидим сложа руки, разговоры разговариваем? Работы полно! Гости в дому, как никак! Анисья за работу! Настасья самовар поставь – чаевничать будем.

Настасья подскочила к матери, громко чмокнула ее в щеку и унеслась исполнять наказ. Анисья нехотя поплелась к печи – никогда еще привычная домашняя работа не вызывала в ней такого протеста.

И снова девушка не покидала кута до самого вечера, боясь встретиться при дневном свете с Никитой взглядами да выдать неловким поведением свои думки крамольные. Даже уход с головой в работу не позволял Анисье забыть о гостившем в доме молодце.

Чем ближе становился вечер, тем большее волнение охватывало девушку. А голос Никиты звучал все настойчивее и настойчивее: «Приходи! Ждать буду!». Нет! Никуда Анисья

не пойдет! Уйдет к себе на занавеску, укроется с головой одеялом и уснет крепко-крепко! А во снах... во снах снова Никита... Эх, куда, видно, Анисье не деться от него! И во сне и на яву – везде он!

Настасья сегодня на вечерки не пошла. Сидела вместе с матерью и золовкой на женской половине, пряла. Устроилась с ними и Анисья, как дела по хозяйству переделала. Как-то незаметно разговор перешел на Никиту. Улита, жена Власа, тут же принялась нахваливать брата. Хозяйка согласно кивала головой, соглашаясь со словами снохи. Настасья сидела потупив взгляд, ее щеки покрывал яркий алый румянец. Как хорошо, что свет от лучины распространялся не равномерно, и тень падала аккурат на место, где сидела Анисья, скрывая ее алеющие от стыда щеки.

Когда с рукоделием было покончено, и женщины засобирались ложиться спать, Анисья вновь ощутила уже знакомое томление, переходящее в беспокойство. Тянуло выйти на воздух из духоты горниц. Немного полежав без сна, девушка прислушалась к тишине дома, обитатели которого погрузились в сон. Наверняка, и Никита давно уже смотрит сны, позабыв про обещание ждать Анисью у воды. Девушка осторожно приподнялась с лавки, накинула на плечи подаренный хозяйкой в позапрошлом году платок, уже успевший в нескольких местах прохудиться от постоянной носки, и, стараясь не ступать на скрипучие половицы, осторожно выскользнула из избы.

Ночь выдалась лунная и прохладная, вода в реке наверняка уже начала остывать и нечего было и думать о том, чтобы ополоснуться, но Анисья отчего-то все равно побрела в сторону берега, словно бы ноги сами несли ее на место недавней встречи с Никитой.

Дорогой девушка успела порядком продрогнуть. Босые ступни мерзли, ступая по холодной и влажной от росы траве, кожа покрылась мурашками. Распущенные волосы все норовили зацепиться за ветви склоняющихся к земле ветел.

Вдруг горячая широкая ладонь обожгла запястье, Анисья вскрикнула от неожиданности и, повинувшись тянущей ее руке, свернула с тропинки прямо в густые ивовые заросли. Раскидистая крона ивы образовала своеобразный шатер. Было темно, лунный свет практически не проникал в импровизированное укрытие. Сбивчивое шумное дыхание и тепло, исходящее от мужского тела, не оставляли сомнений – Никита! Дождася! Анисья не знала, что ей делать: радоваться или печалиться.

– Пришла все-таки, – прозвучало над ухом.

Анисья нервно сглотнула, не в силах произнести ни слова. Так же не в силах она оказалась воспротивиться горячим рукам, бесстыдно скользящим по ее телу, и губам, накрывшим ее губы. Мысль о неправильности происходящего вылетела из девичьей головы ментально. Анисья не в силах больше была думать ни о чем кроме этих рук, губ и горячего дыхания...

Весь следующий день Анисья была не в меру весела и суетлива – работа горела у нее в руках. Казалось, чем быстрее она переделает все дела, тем быстрее наступит вечер. А вечера девушка ждала, как никогда! Ведь наступление темноты сулило новую встречу с Никитой. Только вдвоем без посторонних глаз вечно снующих туда-сюда домашних! Именно там под ивой он настоящий, не пренебрежительно надменный и безразличный, как днем, а любящий и ласковый, каким может быть только он.

Хлопоча у печи, кормя скотину и убираясь в хлеву, Анисья представляла себя мужней бабой. Воображение ее рисовало яркие картины будущей семейной жизни, где за широкой и надежной спиной Никиты Анисья впервые со смерти родителей почувствовала бы себя в безопасности. Мечты, правда, омрачались мыслями о Настасье. Как не крути, но было очень жаль девушку, с которой им хоть и не удалось стать сестрами и настоящими подругами, но получилось построить приятельские отношения. Но Настасье проще – она не сирота-бесприданница. Вон, укладки, как ломаются от богатства. Да и Никиту она не любит так, как Анисья.

За работой время, и впрямь, текло быстрее. Вот уже вечер наступил. Анисья снова сидела за рукоделием с удовольствием слушая, как Улита вновь начала нахваливаться меньшего брата. А как все улеглись поживать, Анисья торопясь понеслась к иве. И снова ночь протекла незаметно. Первый петушиный крик известил о том, что нужно спешить домой,

дабы не прознали домашние раньше времени о ее отлучках, да не учинили по тому поводу разборок.

А днем Влас с семейством засобиралися домой. Уезжал и Никита. Да как уезжал! Торопливо – не то что не попрощался, глаз на вышедшую к воротам Анисью не поднял, словно и не было ее здесь. Отчего-то сделалось горько, но Анисья упорно гнала нехорошее предчувствие прочь. Прав Никита – не нужно своих чувств на людях лишний раз выказывать. Вот он домой воротится, с отцом решение свое обговорит да придет Анисью сватать!

После отъезда гостей время тянулось медленно и уныло. В работе пролетело лето, наступила осень. Вот уже убран урожай, и появилось у деревенских жителей хоть немного свободного времени. Тут как раз грибы пошли. Хозяйка снарядила Анисью с Настасьей в лес. Девушки охотно отправились – поход в лес подальше от деревенских хлопот всегда радовал молодежь.

– Я такая счастливая, Анисья, – сказала вдруг Настасья, взглядываясь в проплывающие по небу осенние облачка, из-за которых время от времени появлялось солнце. – Словно снова родилась прямо!

Анисья перевела на девушку взгляд, гадая про себя, чем может быть вызвана такая бурная радость. Самой ей последнее время нездоровилось: то голова возле печи кружиться начинала, то мутило ни с того ни с сего, поясницу от тяжести тянуло. Раньше она всю ту же работу по хозяйству выполня-

ла, если не больше, и не жаловалась! Даже хозяйка ее хандру заметила, выпрашивать пыталась, но Анисья не глупая, все понимала – молчала, как рыба. Ждала, когда Никита со сватами приедет.

– К выходному гости будут, – радостно сообщила Настасья.

Анисья вопросительно подняла на нее взгляд. Ей ни про каких гостей слышать не доводилось. Обычно хозяйка приготовления заранее начинала, а тут – тишина.

– Только это покуда секрет, – заговорщицки подмигнула Настасья. – Влас весточку прислал – собираются!

– Что собираются? – едва шевеля губами от нахлынувшего волнения, спросила Анисья.

– Как, что?! – возмутилась Настасья. – Сватать!

– Сватать? Кого сватать? – растерянно пролепетала Анисья.

Она-то думала, что Никита прежде, чем ехать свататься, ей весточку о том какую передаст, чтобы готовилась заранее.

– Как кого? – еще больше изумилась Настасья. – Ты чего? Никита меня!

Анисья смотрела на хозяйскую дочку широко раскрытыми от ужаса сказанных слов глазами, а в них стояли слезы.

– Эй, ты чего? – Настасья приобняла ее за плечи. – Да, не переживай ты так, Анисья! И тебе жених сыщется! Думаешь, родители о тебе не порадеют? Вот меня выдадут, а на будущий год и ты под венец пойдешь! И приданое тебе справят

– все хорошо будет! Ну, ты чего ревешь-то?

От слов Настасьи слезы рекой потекли из глаз. Не было больше сил держать все в себе. И Анисья, сама того не ожидая, призналась:

– Непраздна я! – и заревела в голос.

Настасья растерянно хлопала глазами, не сводя с Анисьи испуганных глаз.

– Как так-то, Анисьюшка? – пролепетала она. – Ты же и из дому-то никуда не отлучалась! И на вечерки не ходила, – забормотала она. – Ну, полно тебе! Полно! Не кручинься – нет такой беды, что поправить бы нельзя было.

– Поздно поправлять-то! – Анисья продолжала заливать-ся слезами, не обращая на Настасью внимания. – Коли поправлять, так это давно нужно было! А теперича не одна लेकरка не вытравит!

– Что ты несешь, ненормальная! – замахала на нее руками Настасья. – Грех на душу взять удумала! Дитя в своей утробе изводить собралась, малахольная! Тише, милая, тише, – тут же принялась успокаивать ее.

– Что же мне еще делать-то?! – прокричала Анисья. – Сама сирота, так еще и дитя нарожу!

– Так! – Настасья решительно уперла руки вбоки. – Называй имя охальника! Батюшка его мигом к стенке прижмет – будет знать, как с девками баловать! Коли холостой, так женится пусть! А что? Сыграем свадьбу в один день! Мы с Никитой и ты со своим! А ежели от женки бегал – виру возь-

мем!

– Не получится в один день, – Анистья покачала головой.

– Женатый все-таки? – вздохнула Настасья.

– Холост пока, – немного успокоившись, усмехнулась Анистья. – Про «пока» это ты верно подметила! – обрадовалась Настасья. – Так кто он?

Анистья смотрела на довольное, излучающее любопытство лицо Настасьи и испытывала какое-то садистское удовольствие, представляя, как будет меняться лицо приятельницы после того, как она откроет правду. Где-то в глубине души совесть противилась этому, но сейчас Анистье больше всего на свете хотелось причинить Настасье душевную боль. Таковую же, ничем не меньше, как испытала она сама только что. Медленно и с расстановкой она произнесла:

– Кто он? Уверена, что хочешь это знать?

Настасья, словно замороженная, кивнула.

– Никита! – выпалила Анистья. – Что сватов к тебе засылает!

Настасья какое-то время еще стояла, улыбаясь, но постепенно улыбка начала сходить с ее лица, которое приобретало жесткое строгое выражение. В какой-то момент Анистье показалось, что сейчас девушка закричит на нее, набросится с кулаками, не спустив обиды. Но Настасья, сжав губы, твердо проговорила:

– Пойдем к родителям – все им расскажешь!

Впервые в жизни Анистье стало так страшно, она замотала

головой. Хотелось провалиться сквозь землю.

– Пошли – сказала! – Настасья дернула ее за собой. – Коли правда все, что ты сказываешь – мне такой жених не нужен! Замуж за него не пойду! Батюшка мне и получше жениха сыщет! А тебе с ребеночком мужнина опора надобна.

Как не провалилась сквозь землю от стыда Анисья, когда пересказывала родственникам историю своего грехопадения – одному Богу ведомо. Да только сдюжила. Дядька сначала в ярость пришел, срамницей обозвал, даже оплеуху залепил. Только заступничество тетки и Настасьи, что на нем с двух сторон повисли, удержало его от расправы. Скор был на гнев, да отходчив! Думали и рядили долго. И порешили сватов дожидаться да так дело обставить, чтобы Анисью за Никиту отдать.

– А, ну, как и впрямь ему Анисьюшка любя? – щебетала Настасья, внезапно обрадовавшаяся возможности еще годок в родительском доме скоротать. – А он просто батьки своему о том сказать побаивался!

Дядька только хмыкал в ответ, поглаживая бороду, а тетушка вздыхала:

– Ну, и учудила ты, девка! Чего, Настасья, радуешься! Позор-то на нашу семью падет, как тебя замуж выдавать будем из-за этой греховодницы. Нет, по-хорошему бы, как и сговаривались, тебя с Никиткой обвенчать, а за Аниськой приданое дать побогаче, может какой вдовец и согласился бы с дитем-то взять...

От таких разговоров Анисья только голову в плечи вжимала, да тряслась, что осиновый лист. Выручала Настасья:

– Я же сказала – не хочу после этого за Никитку идтить! Зачем мне муж, что и от женки гулять будет!

Дни, оставшиеся до приезда сватов, Анисья провела, словно во сне, вздрагивала от каждого шороха. Из дома тетка ей выходить запретила – боялась, как бы кумушки соседские наметанным глазом тяжести Анисьиной не заметили. Все дни теперь девушка проводила за рукоделием, собирая себе хоть какую-то укладку с приданым.

В назначенный день Анисью обрядили в красивый богато расшитый сарафан, подобающий случаю. Настасья нехотя тоже нарядилась. Несмотря на то, что решение созрело и было принято еще седмицу назад, сегодня все домашние чувствовали нервное напряжение.

– Нет, не доброе дело мы задумали, – время от времени бормотал хозяин, с тревогой всматриваясь в узкое оконце – не едут ли?

Тетушка переживала и того больше.

– У остальных девки, как девки, а у нас в дому две малахольные! – с чувством выговаривала она то Аксинье, то дочери. – Одна, бесстыдная, блюсти себя не может, а вторая гнет из себя! За этого не пойду – гулять он будет! Тьфу! Мужик он на то и мужик! Погуляет и вернется!

– Прекрати, маменька! – огрызалась Настасья. – Я раз сказала, что за Никиту не пойду, значит, не пойду!

– Останешься вековой – будешь знать! – еще больше негодовала женщина.

– Лучше одной, чем с таким, – веско возражала Настасья. Наконец голоса соседских детишек, что крутились солнечным осенним днем на улице, играя в салочки (3), известили:

– Сватать едут! Сваты!

Веселая игра мигом прекратилась, теперь вниманием мальчишек полностью переключилось на незнакомых людей, что появились в селение с вполне определенной целью. Ребяшки споро побежали вслед за повозками, гадая у какого дома остановится процессия.

Дядька с тетушкой тут же засуетились и двинулись встречать гостей. Анисье с Настасьей строго-настрога запретили покидать женской половины до того, как этого потребует обычай. Девушки в волнении опустили на лавки. Анисья нервно теребила подол сарафана. Настасья перебирала снизу с бусами на шее, ее пальцы едва уловимо подрагивали.

Вскоре раздались шумные голоса, и гости вошли в дом. Анисья вздрогнула. Никита! Он рядом! Как давно она его не видела, как успела соскучиться! Девушка из последних сил держалась, чтобы не приоткрыть занавеску, чтобы хоть на миг бросить тайком взгляд на любимого.

– Проходите, гости дорогие! – басил тем временем дядька. – Располагайтесь! Угощайтесь!

– Угощение подождет, – резонно отвечал ему незнакомый

мужской голос, должно быть, Никитин отец. – Давай сперва о деле сговоримся!

– Дык, о каком? – деланно удивлялся хозяин дома. – Донесла молва до нас, что прячешь ты в дому серую утку, которой уж давно пора бы улетети! – в разговор вступил еще один мужчина.

– Какую серую утку, – перебил ее первый, – белую лебедушку!

Раздался довольный смех. Приехавшие еще не представляли, какой прием готовился им. – Вообще, как говорится: у вас товар – у нас купец! Посмотрите-ка какой молодец! Никитка, подь сюда, дай на тебя поглядети!

В передней послышались шаги – видно, старшие родственники выставили Никиту вперед. Анисья не выдержала и, нарушая все правила приличия, дернулась вперед, готовая на все лишь бы только увидеть его. Но Настасья цепко схватила ее руку.

– Стой! Куда ты? Не положено сейчас!

Анисья обессиленно опустилась обратно на лавку, пытается унять рвущееся от волнения из груди сердце.

– Верно ты отметил, сват Пантелей, – подала голос хозяйка. – Имеется у нас в дому и лебедушка белая, и утка серая! Обоим улетать из дома пора, но мы и не держим.

Гости радостно загалдели, но женщина тем временем продолжала.

– Только не уверена я, что лебедушка наша белая для ва-

шего Никиты цвела и распускалась!

В комнате установилась тишина, было лишь только слышно, как жужжит залетевшая с осенней прохлады в домашнее тепло надоедливая муха. Продолжила хозяйка уже в тишине:

– Никите вашему серая уточка в самую пору прилась! Он и цвет ее пообломать уже успел! Анисья, покажись!

Анисью била нервная дрожь. Сейчас она готова была провалиться сквозь землю – лишь бы только не выходить к гостям. Но Настасья, сохранившая присутствие духа, сунула ей в руки пирог, коим по обычаю просватанная девица угощала нареченного жениха, и подтолкнула к выходу:

– Пора!

На негнущихся ногах Анисья вышла в переднюю. Несколько пытливых глаз внимательно вглядывались в нее, выражая непонимание. Только один Никита, нарядно одетый, в красной праздничной рубахе с обережными вышивками на горловине, отводил глаза, не желая смотреть на будущую невесту.

Анисья застыла посреди комнаты, не зная, куда себя девать. Щеки залились румянцем, губы задрожали – вот-вот разрыдается.

– Это? Это что же получается? А сват? – первым заговорил отец Никиты. – Ты что ли слово свое держать отказываешься? – вкрадчиво поинтересовался он. – Это сиротку-то, что у тебя по дому прислуживает, ты за моего сына сосватать хочешь? Бесприданницу-погорелицу?

– Приданое будет, – твердо сказал дядька, выдержав взгляд Пантелея.

– Хм! – вперед вышла стоящая до этого в стороне нарядная женщина с высоко вздымающейся пышной грудью. – Приданое – дело второе, коли невеста стоящая. Но, чтобы тяжелую нам подsunуть пытался – это, сват, оскорбление!

– Матушка, постойте! – протянула руки к говорившей Улита, тоже приехавшая на сватовство.

Они с Власом стояли в стороне, не понимая до конца, что происходит.

– А ты спроси, Матрена, откуда ребеночек-то! – снова подала голос тетка.

По всему было видно, что хозяйка начинает выходить из себя.

– Откуда бы не был – ваше дело! – моментально взвилась женщина. – И нечего тут на моего сына единственного напраслину возводить! Клеветой семью нашу позорить!

– Позорить? – закричал дядька. – Да, это ваш Никита на мою семью позор навлек! Что стоишь zenки-то отводишь? Сказать нечего?

– Сами за девкой не уследили, воспитание должного привить не смогли, а теперь виновных ищите! – продолжала надрываться Матрена. – Да, нам из такой семьи никакой девки не надобно! И Настасья ваша перед парнями по вечеркам хвостом крутит, поди-ка и спуталась давно с кем!

– Замолчи, Матрена! Не смей мою дочь приплетать! –

взъярилась тетка.

– Мою дочь! – визгливо передразнила Матрена. – Блудница твоя Настасья, как есть блудница!

– Матрена! – прикрикнул на жену Платон. Но Матрена, баба по всему видно вздорная и горластая, чувствовала себя в скандалах, как рыба в воде. Начав ругачку, она уже не могла остановиться и сыпала колкостями направо и налево:

– А я тебе с самого начала говорила, – напустилась она на мужа, – не будет добра с твоей затеи! Мало того, что у нас зять дурень набитый от того же корня род ведет, так ты еще и девку от того курня взять удумал.

Влас сжал кулаки и недобро посмотрел на тещу.

– Матушка, – закричала Улита, – да, что же вы такое наговариваете?

– И ты дурная! Дальше своего носа и не видишь! Кабель твой Влас, как есть кабель! Всех девок до женитьбы перещупал на вечерках – мне все сказывали!

– Ах, ты поганая баба, – не выдержала вдруг тетка и, отодвинув с дороги застывшую, словно истукан, Анисью, ринулась к Матрене, готовая растерзать ее.

Но и Матрена в долгу не осталась. Она уперев руки в толстые бока, скалой двинулась к неприятельнице. Если бы не вставшие меж ними мужья – быть бы драке.

– ТИХО! – взревел дядька. – Устроили балаган!

От неожиданности женщины на мгновение перестали поливать друг друга грязью, вспоминая все, что накопилось за

годы знакомства.

Воспользовавшись установившейся паузой, торопливо заговорил привезенный из города сват:

– Ежели я все верно понимаю, вы, – он уставился на хозяев дома, – отказываетесь отдавать за молодца Никиту дочь свою Настасью.

– Отказываемся, мил человек, отказываемся, – торопливо подтвердила тетка. – Сама она за него идтить не хочет.

– Вот, шлэнда! – сплюнула Матрена, но под строгим взглядом свата замолчала.

– Но вы согласны отдать за него воспитывающуюся у вас при дворе родственницу-девицу, что якобы понесла от молодца Никиты, и готовы дать за ней хорошее приданое?

– Да, – подал голос дядька, – и приданое дадим хорошее. Не обидим.

Сват кивнул и обратился к Пантелею:

– Согласен ли ты, Пантелей, женить сына на девице...

– Анисье, – услужливо подсказала хозяйка.

– Анисье, – кивнул сват.

Установилась тишина. Пантелей размышлял, он сдвинул широкие кустистые брови, наморщил лоб и рукой остановил порывавшуюся что-то сказать Матрену.

Анисья украдкой бросила взгляд на Никиту, но тот стоял, сжав кулаки, и намеренно не смотрел в ее сторону. От его недовольного вида девушке стало горько и обидно. Но понять его было можно – дело ли во что сватовство превра-

тили. Одна срамота! По всем матери семейств проехали – никого не пощадили, все грешки до единого друг другу припомнили.

– А что я сказать могу? – наконец хмуро подал голос Пантелей. – Это пусть вон сын мой скажет: коли люба ему эта..., – мужчина едва сдержался, чтобы не выругаться, – Анисья, так пушай берет ее за себя, коли и взаправду делов надел. А ежели откажется – я неволить не стану. Не известно еще со сколькими она валандалась!

Анисья вздрогнула – таким презрением и ненавистью сквозили слова мужчины. Она посмотрела на Никиту. Их взгляды встретились, и девушка поняла, что все мечты о счастливом замужестве можно оставлять позади. Холодный, полный ненависти и презрения взгляд разил наповал. Не осталось больше ни капли от того любящего и ласкового Никиты, что уверял ее в своих чувствах. Анисья отвернулась, чтобы не видеть, как он произнесет убийственные для нее слова.

– Нет, не люба. Жениться на этой не стану!

– Вот и порешили! – не смог скрыть радости от окончания неудавшегося сватовства сват. – Раз дело такое – предлагаю долго не засиживаться. Путь не близкий, темнеет рано!

С этими словами он вышел из избы, спеша побыстрее разделаться с неприятной церемонией. Неудавшийся жених и его родители последовали за ним. Растерянные Влас и Улита остались стоять на месте, не зная, что теперь делать. Глаза

Улиты блестели от слез. А Влас едва сдерживал гнев.

Анисья вздрогнула, когда хлопнула входная дверь, но головы не повернула – не хотела больше ни видеть, ни слышать Никиту. Все тело внезапно наполнила такая слабость, а в душе разлилось безразличие, не оставившее место былой любви. Только пустота. Одна лишь только пустота.

Девушка успела лишь почувствовать, как ноги постепенно слабеют, а перед глазами разливается тьма. Крики и голоса домочадцев звучали откуда-то издали. Анисья провалилась в беспамятство.

Приходила в себя Анисья тяжело. Ужасно болела голова, наверное, ударилась, падая, о пол. Внутри тоже все болело. Низ живота жгло огнем. Она провела рукой по простыне, ожидая обнаружить кровавые сгустки, но постель была сухой.

Лба коснулась смоченная холодной водой тряпка. Это принесло немного облегчения.

– Лучше бы скинула, – послышался торопливый теткин шепот.

– Разве можно так говорить, маменька! – так же шепотом возмутилась Настасья. – Дите все же таки – живая душа. А я наоборот рада, что так получилось. Если бы не Анисья – никогда бы мы не узнали, какая гнилая душа у Никиты. Так бы и спровадили меня за него – а мне потом с ним жизнь бы мучиться!

– Ой, дурная ты у меня, Настасья. Как мы лаялись, почи-

тай, всем селом слышали. Кто же тебя теперь замуж-то захочет взять?

– Кто-нибудь да захочет!

– И эту жалко. Голову ей закружил паскудник и в кусты.

Шершавая грубая теткина ладонь легла Анисье на голову.

– А я вот что подумала, маменька, – снова заговорила Настасья, – не одна же Анисья у нас в такой беде оказалась, по-ди, и раньше на селе встречалось. Что если жениха ей подыс-кать да замуж выдать. А там пусть Матрена с Пантелеем, что хотят болтают. Мало ли сплетен вокруг ходит!

– Да, я уж думала. Только, кто согласится? За вдовца ка-кого ежели?

– А Митька, сын Третьяка? Видела бы ты, маменька, как он на нашу Аниську смотрит!

– Митька – парень, разве же согласится. Да и мать его, хоть и не Матрена, конечно, но супротив чужого ребенка так взъерепенится!

– А если он скажет, что его?

– С чего бы ему такое говорить?

– Маменька, живут они дюже бедно! Едва концы с конца-ми сводят. А мы за Анисьей приданое дадим и скотинку ка-кую предложим...

– Козу дать можно – у нас их много, – призадумалась тет-ка. – А Митрий-то все одно из женихов незавидных. Мало кто дочку в семью Третьяка отдавать захочет. А Аниське на-шей сильно-то выбирать не приходится.

– Вот и я про то же!

– Ладно! Ты сиди – жди, когда очнется, а я пойду с отцом о том посудачу. Может и впрямь ты дело сказываешь!

Анисья услышала удаляющиеся шаги. Вот так незавидно и без ее согласия вершилась Анисьиная судьба. Да она и спорить бы не стала. Зачем спорить? Полюбить она все равно больше не полюбит – в душе пустота. А раз так – какая ей разница Митька или еще кто.

Глава 3.

Как удалось дядьке договориться с Третьяковой семьей и уговорить Митьку на женитьбу, Анисья точно не знала. Тетушка строго-настрога запретила ей показываться посторонним на глаза.

– Меньше болтать будут! – строго сказала она.

Анисья и не спорила, как только приходил в дом кто из соседей, так девушка сразу скрывалась за занавеской, уходя на женскую половину. На улицу не ходила. Чего ей – все одно жизнь превратилась в безрадостную череду дней. О Никите старались не вспоминать, упоминание неудавшегося постыдного сватовства для всех было под запретом, хотя специально о том не сговаривались.

Тетка усадила Анисью с Настасьей за рукоделие – требовалось в краткие сроки приготовить для Анисьи приданое да перешить ставшую для нее тесной одежонку.

Единственной радостью в чередке серых, похожих один на

другой дней было шевеление ребенка в утробе. «Не скинула все-таки – живуч оказался!», – с любовью думала Анисья, тайком от домашних поглаживая уже немного округлившийся живот. Мальчик – это она знала наверняка. Откуда пришло к ней знание, сказать не могла, но уверенность нарастала с каждым днем. А еще появилось имя – Никита. Не то любовь к нахальному парню все еще теплилась в ее душе, несмотря на свершенное предательство, не то другого ничего на ум не приходило, но Анисья знала точно – народится у нее Никитка.

Настасья, несмотря на пересуды, что нет-нет да вспыхивали в селении не пропускала ни одни вечерки. Шла с гордо поднятой головой – попробуйте, мол, только суньтесь ко мне своим осуждением, вмиг на ваше место укажу. Тетка качала головой – бедовая девка! Цену себе, конечно, знает, но до чего дерзкой стала. Сама она до колодца с опущенными глазами ходила, торопливо, боялась лишних пересудов. Но женщины только вздыхали с жалостью – чужая кровь эта Анисья, а на семью из-за нее теперь позор лег. Сочувствовали. Да дочкам внушали на чужом примере учиться, как поступать не след.

И вот одним пасмурным дождливым днем, когда все небо было затянуто серыми тяжелыми тучами, дядька объявил Анисье:

– Ты приберись сегодня получше – сваты у нас будут! И это... смотри чего не того не скажи!

Анисья ничего не ответила на это, лишь кротно кивнула. Значит – точно сладилось все. Быть ей теперь женой Митрия, сына Третьяка. И все это сватовство – обычный фарс, глупое соблюдение традиций, за нее все уже давно решили. Ну, знать, так тому и быть! Но на душе отчего-то стало смурно, настроение под стать погоде – серость непроглядная.

Настасья, несмотря на напускную веселость, тоже выглядела взволнованной. Не забылось еще прошлое сватовство, после которого немногим больше трех седмиц прошло. Семья застыла в ожидании. Дядька слонялся из угла в угол, не находя себе места – а как третьяково семейство передумает в самый последний момент? Но вот пес во дворе заволновался, почуяв приближение чужаков – идут.

Сватовство прошло для Анисьи, как в тумане. Девушка машинально выполняла все необходимое для соблюдения традиции: вынесла и с поклоном подала сватам пышный румяный пирог, низко опустила глаза, когда острый взгляд женовой матери оценивающе пробежался по ней, чуть задержавшись на располневшей талии, что не удалось скрыть даже под перешитым широким сарафаном.

Митрий был молчалив и погружен в себя – не понять по доброй воле согласился жениться или под давлением родителей, на богатое приданое позарившихся.

Наконец дядька и порядком подвыпивший по такому случаю Третьяк ударили по рукам и принялись за составление

рядной записи, по которой Митрий обязывался взять Анисью в жены не позднее конца следующей недели. Неслыханная торопливость! Ох, и будет о чем посудачить местным кулушкам, что в своем глазу бревна не заметят, а в чужом – соринку и ту вмиг разглядят! А вот обсуждение приданого вызвало немалые споры между родителями Митрия и родственниками Анисьи. Постель, платья, утварь домашняя ни у кого не вызвали вопросов, а вот когда речь зашла о скотине – вот тут-то и открылась прижимистая натура каждого. Анисья сквозь землю готова была провалиться, Митрий тоже недовольно отводил взгляд, но упорно молчал – обычай запрещал молодым принимать участие в обсуждении.

Наконец порешили – вместе с Анисьей на двор Третьяка отправлялась коза Белка, да пяток кур. Не богато, но для обедневшего третьякова семейства то еще подспорье.

– Ну, стало быть и все, – довольно потер руки Третьяк.

– Как все? – засуетилась тетка. – А попятное? Попятное-то не прописали!

– Точно! – оживился дядька. – Попятное прописать обязательно нужно!

– Еще чего? – недобро зыркнула на Анисью будущая свекровь. – Не денется никуда Митька и без ваших писулук!

– Ага! Как приданое переписывать – так вы первые! – не преминула съязвить тетка.

Обстановка начала накаляться. Анисья вся внутренне подобралась, уже готовая безропотно сносить оскорбления, го-

товившиеся сорваться с губ третьячихи (как за глаза называли мать Митрия в селении). Митрий бросил короткий взгляд на сговоренную невесту, в его глазах промелькнуло что то, отдаленно похожее на сочувствие, и он вопреки обычаю, воспрещающему жениху с невестой ввязываться в родительские толки, решительно оборвал мать:

– Пущай пропишут – сбегать не собираюсь!

– Три рубля, – не моргнув глазом, заявил дядька.

– Сколько?! – от такой наглости третьячиха аж вперед подалась. – Ты никак совсем ополоумел? Мы же таких деньжищ в жизни не видали! За боярскую девку и то такого попятного не берут!

– Пусть пишут, – вновь поперечил Митрий.

– Тогда приданое наперед давайте! – ввернул Третьяк.

– Чего?! – снова возмутилась тетка. – Где это видано, чтобы приданое до свадьбы требовали?

– Приданое на стол, девушку за стол! – в находчивости третьячихи сомневаться не приходилось, она за словом в карман не лезла.

– Будь по-твоему, – дядька взглядом остановил собравшуюся было заспорить супругу. – Сегодня к вечеру Влас привезет.

Третьяк удовлетворенно кивнул, жена его тоже выглядела довольной, что удалось-таки настоять на своем. Всем присутствующим было ясно, что невестина родня находится в зависимом положении от жениха и его родичей. Допустить

расторжения сговора, когда невеста на сносях, никак было нельзя.

Седмица до свадьбы пролетела для Анисьи незаметно. Все домашние вместе с приехавшими Власом и Улитой да их малыми детьми были погружены в хлопоты, сопутствующие свадебным приготовлениям. Торжество, конечно, планировалось скромное, но обычаи должны быть соблюдены, чтобы жилось молодой паре сытно и дружно.

Улита в приготовлениях участвовала неохотно, лишь только строгий взгляд Власа не давал ей открыто высказать недовольствие происходящим. Но стоило ей только остаться с Анисьей наедине, как женщина тут же бросала на девушку неприязненные взгляды. От ее злобы становилось не по себе. Анисья невольно сжималась и спешила удалиться.

Как-то раз, перебирая крупу для каши, Улита как бы невзначай бросила:

– А батюшка Никитку нашего за стрельцову дочку просватал! Красивая шибко! И родовитая, как раз нашей семье впору!

Анисья на удивление не почувствовала ни малейшего укола ревности, она лишь бросила на Улиту безразличный взгляд и продолжила свое занятие.

– А она мало того, что красавица, так еще и разумница! – продолжила, как ни в чем не бывало, женщина. – Воспитание ей родители хорошее дали, блюдет себя до свадьбы. Не то,

что некоторые...

В этот момент в дом вошла Настасья. Услышав обрывок разговора, девушка не стерпела:

– А вот тебя, Улита, родители, видно, только злоязычию обучили! Самой-то не тошно от того, что мелешь?

Улита изменилась в лице, но появление тетушки заставило ее прикусить свой не в меру острый язык. Все, что ей оставалось – это только бросать на золовку с Анисьей недовольные взгляды.

День свадьбы приблизился для Анисьи незаметно. Вот уже свадебный поезд с жениховыми поезжанами у ворот. Тетушка с дядькой, названные Анисьины родители, поспешили встречать приехавших. Анисья тем временем оставалась в доме. Рядом с ней сидел старший сын Власа, Гришатка, это у него должен был выкупить место жених, чтобы получить право сидеть рядом с невестой. Гришатка, мальчонка лет восьми, очень гордился своим важным делом и сидел, гордо задирая вверх вздернутый, как у матери, носик.

Митрий, войдя в покои, помолился на образа, перекрестился и отдал поклоны, как полагается, на все четыре стороны. После чего он вместе с дружкой, верно маячившим за спиной, двинулся к Анисье. Гришатка приосанился, его щеки заалели от осознания важности происходящего момента.

– Место подле белой лебедушки не уступлю! – звонким, слегка дрожащим от волнения голосом выкрикнул он.

В покоях раздался одобрителный смех. Дружка извлек из

кармана крендель, предлагая обменять его на место подле невесты, но Гришатка отрицательно замотал косматой головой.

– Мало! Больше давай! – выкрикнул он, но крендель все же забрал, спрятав его под праздничной красной рубахой в красный горошек.

– Ишь, ты какой! – с наигранным возмущением всплеснул руками дружка. – Мало ему!

– Невестушка у нас будто лебедушка белая, словно павушка прелестная, – начал нахваливать Анисю наученный заранее Гришатка.

– Не скупись! – весело поддержала племянника Настасья! – Выворачивай карманы! Чего еще принес, а то не отдадим!

Дружка, хитро усмехаясь, показал вынутый из кармана пряник.

– А вот так, малец, отдашь место рядом с невестушкой?

Гришатка сглотнул наполнившую рот слюну, не сводя загоревшихся жадностью глаз с пряника. Не часто ребятам приходилось такого отведывать. Мальчонка бросил вопросительный взгляд на мать – та едва заметно кивнула, что не укрылось от Настасьи, и та выступила вперед.

– Мало! Еще давай! – под одобрителный гул голосов потребовала она.

Гришатка же, воспользовавшись тем, что дружка отвлекся на тетку, проворно выхватил у того из рук пряник, но с места

не сдвинулся. Покои наполнились смехом. Наконец вперед выступил Митрий и протянул Гришатке на ладони небольшую медную монетку.

– Сразу бы так! – одобрил стоящий чуть в стороне Влас.

Гришатка торопливо выхватил монетку, спрятал ее за щеку и уступил место рядом с Анисьей. Обряд считался завершённым – жених добрался до невесты.

Анисья сидела ни жива, ни мертва. Под широким белым пологом ей виделись лишь очертания силуэтом, и она могла только догадываться о том, что происходит в комнате по веселым выкрикам и прибауткам.

От полога удалось избавиться только, когда началось укручивание невесты. Сваха точными умелыми движениями скрутила девушке волосы, надела кику. Все это время, пока укладывались волосы, изба была наполнена дружным слаженным пением. Свадебные песни лились рекой, только на душе у Анисьи от этого не становилось легче. С каждым мгновением ощущение неправильности происходящего нарастало в душе молодой невесты. Сейчас отправятся они с Митрием в церковь, где батюшка обвенчает молодых, навеки соединив их судьбы в одну, и не будет больше у Анисьи в жизни надежды на любовь.

Слезы сами собой полились из глаз, и не было даже сил смахнуть их. А сваха тем временем приговаривала:

– Правильно, девонька, правильно! Поплачь сейчас, чтобы потом в семейной жизни слез не лить!

Эх, знала бы она сколько уже выплакано-переплакано Анисьей и сколько еще предстоит впредь...

Свадьбу отгуляли все чин по-чину, напрасно местные сплетницы судачили в ожидании превеликого скандала, коим по их разумению должно было окончиться торжество. На следующий день после венчания Третьяк с важным видом протянул Анисьину дядьке полную чарку вина. Посудина оказалась целой, и вино не расплескалось на одежду невестиным родственникам, что по обычаю означало, что невесте удалось соблюсти себя до свадьбы.

– С Митрием, значит, согрешила, – пересказывали друг другу у колодца кумушки, осуждающе покачивая головой.

– Кто другой бы и не взял за себя, а этот... этому все одно – из невест очередь не стоит! Кому захочется в бедняцкий род попасть?

– Да и Третьяк! Как напьется, звереет просто! Жену бьет по-черному, она даже и синяки-то не всегда скрывает, а уж сноху-то и подавно будет!

И потекли для Анисьи серые однообразные дни, наполненные тяжелой изнуряющей работой по дому. Свекровь, сказавшись больной, с радостью уступила невестке место у печи, а вместе с ним и остальные обязанности. Митрий, казалось, намеренно пытался избегать общества новоявленной супруги, все больше и больше времени он проводил с друзьями. Говаривали, что даже в местном кабаке с отцом его

не раз встречали.

Анисья молчала, с расспросами и назиданиями не лезла, но каждый раз, уловив вечером хмельной дух от супруга, тяжело вздыхала: коли пойдет по отцовским стопам, то не жизнь ей будет, а одно мучение.

Лишь только встречи у колодца с Настасьей да возможность переброситься с ней парой слов скрашивали однообразное жите-бытье.

– Просватали меня, – как-то раз торопливо шепнула ей девушка. – Только ты пока никому! А то мало ли какую молву пустят, очернят с ног до головы!

Анисья кивнула, не решаясь спросить имени жениха. Предосторожности родственников были вовсе не беспочвенны. Из-за греха Анисьиного, что воспитывалась в их семье, тень запросто могла пасть и на Настасью. Но девушка ничего не собиралась скрывать от нее.

– Матвеем его кличут! Из-за реки он!

– Далеко-то как! – всплеснула руками Анисья.

Широкая и бурная речка за исключением зимнего времени, когда ее сковывал лед, и можно было на свой страх и риск попробовать продолжить санный путь, казалась местным жителям почти непреодолимой преградой. Мостов через такую даль еще никто не смог построить, а ветхие деревянные лодки годились только для того, чтобы порыбачить вблизи от берега. Пускаться на них в опасное путешествие мало кто бы решился. Вот и приходилось тем, у кого родня

за рекой жила, пускаться в дальний путь, чтобы добраться до городской пристани, где на просторных лодках за отдельную плату можно было переплыть реку. Путь не близкий и весьма опасный. Анисье ни разу не доводилось бывать в такой дали.

– Далеко, – не стала спорить Настасья, – да только подальше от всех этих пустомелей!

Анисья виновато опустила глаза – это из-за нее разговоры Настасью задевают.

– А Влас сказывал, Никитка дома буянит, – как бы между прочим добавила Настасья. – Жениться не хочет. Какую ему девку не предложат – все не такие! Пантелей его даже наследства лишить хотел, да Матрена вступилась. Уехал он от греха подальше на службу. Царь-то, сказывают, снова рать куда-то собирает!

Анисья слушала в пол-уха, не хотела обидеть Настасью, оборвав ее рассказ, а слушать о Никите не хотелось. Чего теперь о нем говаривать? Было да быльем поросло – она теперь мужняя. Как свекровь любит сказывать: «Вот тебе кокуй – с ним и ликуй!».

Свадьбу Настасьину справляли по весне. Гуляли веселее и шире. Долго еще приглашенные селяне вспоминали, как маялись следующим днем от похмелья, перебрал с хмельными медами.

Анисья же на гулянья не попала – младенцу вздумалось на свет белый явиться. Так что вместо свадебного пира пришлось ей отправиться в натопленную свекровью баню да

корчиться в потугах, моля, чтобы все, как можно быстрее закончилось. Тетка на помощь прийти не смогла, не для этого ей было. Свекровь кликнула свою сестру, живущую на соседней улице, и женщины вдвоем пытались помочь. За повитухой послать не захотели, и Анисья побоялась настаивать, понимая, что любая женщина вмиг смекнет, что младенец в срок родился, а вовсе не недоношенный, каким его объявят...

Когда детский крик разорвал тишину темной бани, Анисья не смогла сдержать облегченного вздоха. Мальчик! Живой! Горластый! Такой будет за жизнь цепляться матери на радость. Она прижала к груди надрывающийся сверток, украдкой смахнув слезу. Наконец не дающая спокойно Анисье жить и чувствовать струна, натянутая в душе, словно бы лопнула в один момент, как только младенец коснулся материнской груди. Впервые после гибели родителей Анисья смогла испытать настоящее счастье.

– Васятка, – прошептала она, не в силах оторвать взгляда от сына, – сыночек.

Отцовское имя – первое, что пришло на ум при взгляде на ребенка.

– Еще чего удумала, – недовольно проворчала свекровь. – Митрий нарекать будет. Твое дело – родить да вскормить, остальное по мужниной воле будет!

Анисья сникла. Она уже не представляла другого имени для сына. Только Васятка! Ненаглядный Василечек! Но

Митрий, на удивление, спокойно и ровно отнесся к ее просьбе наречь ребенка Василием.

– С чего так решила? – только и спросил он настороженно и угрюмо.

– Батюшку моего так звали, – осторожно, боясь ненароком разозлить супруга, ответила Анисья.

– Точно! – кивнул Митрий. – Ну, раз в честь деда, то пусть Василием будет.

Свекровь недовольно поджала губы, не то чтобы она хотела наречь мальчика по-другому. Нет! Скорее супротив Анисьиному желанию поступить.

– Больно уж смерть у Василия не хорошей была. На похороны, – заметила она. – Не гоже дитяти имя покойника, нехорошей смертью померевшего, давать!

– Прекрати, мать! – оборвал ее Митрий. – Суеверия все это! Отец Никифор на службе говаривал: все суеверия от лукавого. Ничего с мальцом не сделается! И имя ему будет – Василий! Таково мое отцовское слово!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.